

УДК 8: 81-139

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-4-63-71

Шилова Е.В.*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова***МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ СУЖДЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ СОЧЕТАЕМОСТНОГО АНАЛИЗА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО
СТРАННЫЙ)**

Аннотация. Статья посвящена методике семантического анализа оценочных предикатов, в основе которого лежит сочетаемостный анализ исследуемой единицы в текстах разных жанров, что позволяет более точно описать значение оценочного предиката, выявить его отличие от смежных с ним единиц, а также моделировать мироощущение субъекта оценки. Описанная методика опирается на философские изыскания Дж. Мура и частную методику составления перцептивных парадигм художественного текста Л.О. Чернейко.

Ключевые слова: аксиология, оценочный предикат, сочетаемость слова, сочетаемостный анализ, перцептивная парадигма (ПП) художественного текста.

E. Shilova*Lomonosov Moscow State University***THE PRINCIPLES OF ANALYSIS OF EVALUATIVE PROPOSITIONS (ON THE BASIS OF THE COLLOCATION ANALYSIS OF THE ADJECTIVE СТРАННЫЙ)**

Abstract. The article considers the principles of semantic analysis of evaluative predicates based on the collocation analysis through the texts of different genres. It helps to find out the differences between these predicates and their synonyms as well as to model the speaker's outlook on life. The method is based on the philosophical ideas by G. Moore and the method of constructing of perceptive paradigms by L. Cherneyko.

Keywords: axiology, evaluative predicate, words collocation, collocation analysis, perceptive paradigms.

Аксиологическая проблематика, рассматривающая ценностный подход к освоению действительности, занимает важное место в процессе развития современной философской мысли. Система ценностей как наиважнейший регулятор поведения человека выражена в слове. Именно поэтому невозможно говорить о принципах формирования оценочных суждений

и их роли в языке, не обратившись к философским основаниям теории ценностей. Особую роль философских изысканий в разработке методологии изучения оценочных суждений подчеркивала Н.Д. Арутюнова в своей работе «Язык и мир человека»: «Есть сходство и в используемых философами и лингвистами методах анализа. Поэтому представляется возможным привлечь к рассмотрению семантики

оценочных слов наблюдения и соображения философов и логиков, не вошедшие в лингвистический обиход» [2, с. 128].

Перед аксиологией и методикой изучения оценочных суждений в лингвистике стоят одни и те же вопросы: философы рассматривают онтологический статус ценности, её соотношение с субъектом познания, лингвисты же размышляют над вопросом о том, что стоит за теми или иными ценностными суждениями, каково значение оценочных предикатов, каковы основания вынесения оценочного суждения субъектом оценки.

Особенности изучения оценочных суждений определяются наличием в них оценочного предиката. В русском языке с позицией предиката связано нереперентное употребление, согласно которому оценочный предикат не соотносится с каким-либо объективно существующим качеством, свойством объекта оценки. Из этого следует, что оценка проистекает напрямую от субъекта оценочного суждения. Именно познающий субъект наделяет всё вокруг себя смыслами. По мысли М.С. Кагана, «...ценностное отношение предполагает возможность, а чаще всего необходимость *осмысления* оцениваемого, т. е. выявления и понимания того конкретного смысла, которое данный объект имеет для тебя как субъекта» [5, с. 52]. Таким образом, ценности существуют лишь в рамках субъектно-объектной парадигмы, что подтверждается философской традицией разграничения бытийного и ценностного. Именно такой подход к определению разницы между сущим и должным закрепился благодаря философским изысканиям И. Канта.

В «Критике способности суждения» Кант отделяет свободу человека (покоится на воле разума) от его природы (покоится на воле рассудка). Природа отождествляется с необходимостью, в ней всё предопределено, нет свободы. Свобода же соотносится с нравственной сферой: человек сам выбирает, следовать ли ему нравственным нормам [6, с. 175]. Однако между рассудком и разумом как высшими познавательными способностями человека есть промежуточное звено – способность суждения. «Способность суждения вообще есть способность мыслить особенное как подчинённое общему» [6, с. 177]. Способность выносить суждения вкуса (эстетические суждения) рассматривается как свойственная только человеку способность. «Канту в способности суждения удалось обнаружить и терминологически закрепить новое своеобразное и существенное отношение человека к миру, заслуживающее быть поставленным в ряд с теоретическим (познавательным) и практическим (целеполагающим) отношениями, известными прежней философии» [9, с. 15]. Из разграничения сущего и должного, природы и свободы вытекает новый взгляд на природу ценностей, которые не могут существовать безотносительно к субъекту познания.

По мнению Н.Д. Арутюновой, основания для разграничения дескриптивных и оценочных предикатов были заложены ещё в трудах Аристотеля, хотя мыслитель применяет для анализа оценочных суждений тот же принцип, что и для анализа дескриптивной лексики: он «ищет общность между видами добра в идентифицируемых признаках» [2, с. 135]. Однако Аристотель прихо-

дит к выводу, что свойства предметов могут не иметь между собой ничего общего, в то же время их оценочная квалификация может совпадать. Что же тогда стоит за употреблением оценочных предикатов, каковы основания вынесения оценочных суждений? Вопросы, поставленные Аристотелем, дали толчок поиску «общей меры, одного субъективного (присущего человеку) психологического эквивалента, через который можно было бы сформулировать дефиницию, применимую ко всем видам добра и зла» [2, с. 136].

Итак, ценности мыслились как сущности, локализованные в сознании субъекта оценки, а основанием вынесения ценностных суждений являлась субъективная реакция человека на оцениваемый объект. Отсюда происходила идея полной субъективности в употреблении оценочных слов, относительности оценки: если добро толкуется через желаемое, то для разных субъектов как благие будут восприниматься совершенно разные, возможно, даже противоположные явления и сущности.

Таким образом, на начальных этапах анализа ценностных суждений подчёркивается разница между естественными свойствами объекта и его оценкой. Эта идея гораздо позже будет сформулирована Дж. Муром в трактате «Принципы этики» (1903 г.), где он предлагает новый метод изучения значения оценочных предикатов, отличный от принципа изучения дескриптивной лексики. «Я не отрицаю, что слово “добро” обозначает свойства определённых естественных предметов: некоторые естественные предметы, я думаю, являются добром; и всё же я сказал, что само “добро” не озна-

чает естественного свойства... Если бы действительно добро означало некое чувственно воспринимаемое качество, как нас хотят уверить некоторые исследователи, то оно существовало бы во времени» [8, с. 103-104]. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «...даже самый полный перечень идентифицируемых свойств объекта не снимает вопроса о его Ценности» [2, с. 145]. Из всего сказанного вытекает необходимость принципиально иного подхода к изучению оценочных суждений, нежели попытки установить, что в точности стоит за тем или иным оценочным предикатом.

Сложности с определением специфики оценочных суждений в лингвистике XX века связаны с господствовавшим в то время структурным методом, согласно которому базовым инструментом описания семантики той или иной языковой единицы является метод компонентного анализа, основывающийся, по данным ЛЭС [7], на гипотезе о том, что словарный состав языка можно описать «с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических признаков».

Структурный метод действует успешно, пока из исследуемых единиц можно выстроить оппозиции. Так, чтобы определить значение слова ГОРА, необходимо включить данное слово в состав оппозиции по какому-либо дифференциальному признаку, например, “высота”: ГОРА – ХОЛМ. В рамках таких оппозиций выявляется значение слова.

Однако существуют сигнификативно «пустые слова», типа ЕРУНДА, ЧЕПУХА, АБРАКАДАБРА. Практически невозможно выявить дифферен-

циальные признаки одного из данных понятий в сравнении с другими, отсюда так называемый «порочный круг» в толковании слов, т. е. отсутствие дифференциации лексикографических параметров.

Кроме сигнификативно «пустых слов» структурному анализу не подвергаются слова высокого уровня абстракции, семантические примитивы (по концепции А. Вежбицкой [3]). При анализе подобных слов и выражений происходит своеобразная «распаковка смысла»: помимо вычленения объективного смысла, стоящего за словом, основной задачей является выделение имплицатур, модусных смыслов.

Если дескриптивные предикаты с большой долей успеха поддаются структурному методу и выстраиваются в оппозиции с целью выделить их дифференциальные признаки, то оценочные предикаты не рассматривались в качестве объекта изучения структуралистами. Это связано прежде всего с тем, что оценка как таковая существует в пределах субъектно-объектной парадигмы. Н.Д. Арутюнова цитирует по этому поводу Дж. Серля: «ценности так или иначе проистекают от человека, они не лежат во внешнем **мире**, по крайней мере, в мире камней, рек, деревьев и сырых фактов. В противном случае они перестали бы быть ценностями и составили бы часть объективного мира» [2, с. 149]. Осмысляя ценностные суждения, мы выявляем модальные смыслы, отношение субъекта к объекту оценки. Рассмотрение любого оценочного предиката в рамках компонентного анализа (путём сопоставления с другими членами аксиологической парадигмы) не даст результатов. Так, невозможно опре-

делить, чем прилагательное СТРАННЫЙ отличается от прилагательных УДИВИТЕЛЬНЫЙ, НЕОБЫЧНЫЙ и т. д.: в словарях данные единицы толкуются друг через друга, что создаёт «порочный круг» толкования слов. Необходим другой способ выявления значения оценочных предикатов.

Основой предлагаемого метода изучения оценочных суждений является концепция Дж. Мура, изложенная в его трактате «Принципы этики». По мнению Мура, единственный способ адекватно описать семантику оценочного слова состоит в изучении сферы его действия, позволяющем определить, что в данной культуре считается добром (благом, хорошим) или злом. Задаваясь вопросом, что есть добро, Мур рассматривает ценностные суждения типа «X есть добро», аргументируя алгоритм исследования следующим образом: добро есть то, что является хорошим, значит «понятием “добро” должно быть вообще всё то, к чему приложимо прилагательное “хороший”» [8, с. 66]. Дж. Мур предлагает принципиально иную основу изучения семантики оценочных предикатов – их сочетаемостный (дистрибутивный) анализ, в частности, определение условий субституции (взаимозамены) семантически близких единиц оценочной парадигмы.

На основе метода изучения оценочных предикатов, предложенного Дж. Муром, Л.О. Чернейко была разработана частная методика составления перцептивных парадигм художественного текста. В пределах любого текста слова выстраиваются в так называемые «текстовые парадигмы» (ТП) на основе устанавливаемых ассоциативных связей. Одной из разновидностей

ТП является перцептивная парадигма (ПП), построенная на сублогической основе – общности оценочного предиката, входящего в сферу сочетаемости разных имён (субстантивов) и представляющего собой «синтагматически значимое свойство имени» [12, с. 17]. Именно такой подход лежит в основе анализа семантики оценочных предикатов: от прилагательного к именам вещей, которые с этим прилагательным сочетаются (ПЕЧАЛЬНЫЙ у А.С. Пушкина: *поляна, свет, звук* и т.д.). Метод составления ПП в рамках текста и/или идиолекта позволяет «моделировать мироощущение перцепта» [12, с. 19] на основании того, что ему представляется хорошим-плохим, радостным-печальным, истинным-ложным. Сочетаемостный анализ оценочного предиката позволяет выявить те параметры оцениваемого объекта, которые положены в основу его оценки, что, по мысли Е.М. Вольф, является базой для семантического толкования мотива оценки, её оснований [4, с. 65].

Чтобы понять специфику оценочных суждений, организованных прилагательным СТРАННЫЙ, необходимо задаться вопросом: «Что в русской культуре считается странным?» – и провести сочетаемостный анализ данного прилагательного в текстах разных жанров.

Для исследования оценочных суждений, организованных прилагательным СТРАННЫЙ, были выбраны как художественные тексты, так и записанные фрагменты разговорной речи. В результате семантико-комбинаторного анализа были составлены ПП с прилагательным СТРАННЫЙ в центре. Выяснилось, что объектом рассматриваемых оценочных сужде-

ний могут быть самые разные факты и явления действительности, как конкретные, так и абстрактные (странные взгляды, улыбки, странные мысли, слова, идеи, истории, странное ощущение, настроение, впечатление, странные сны и т. д.). Часто ситуация в целом может мыслиться как странная. Например, в текстах Ф.М. Достоевского прилагательное СТРАННЫЙ является одной из самых частотных единиц, что не случайно: автор заставляет своих героев смотреть на мир остранными глазами, а читателю предлагает видеть в повседневном новое, вызывающее удивление [14, с. 161]. С другой стороны, в мире Достоевского почти ничего нельзя постичь логикой, потому что или неочевидна причинно-следственная связь явлений, или эти явления отклоняются от принятых в социуме норм и стереотипов. Так, генерал Епанчин из романа «Идиот» не способен адекватно прореагировать на признание князя в любви к Аглае. А то, что он не может понять князя, для него странно: Генерал Епанчин: *Странно, странно... и очень любишь?* – Князь Мышкин: *Очень люблю.* – Генерал Епанчин: *Странно, странно это мне всё. То есть такой сюрприз и удар, что...*

Можно сказать, что у Достоевского оценочное прилагательное СТРАННЫЙ является своеобразным маркером авторского отношения к тому или иному персонажу. Странный в мире Достоевского – это не такой, как все, способный выйти за рамки, установленные обществом, отличный от обычных, ничем не примечательных людей. Мир Достоевского явственно разделен на две части – люди «обыкновенные», обычные, так называемое «боль-

шинство», которое является необходимым звеном «в связи житейских событий» и которое не в состоянии выйти «из колеи обыкновенности и рутины», и оригинальные, самостоятельные личности – что подтверждается текстом его произведений: *Наполнять романы одними типами или даже просто, для интереса, людьми странными и небывальными было бы неправдоподобно, да, пожалуй, и неинтересно.*

Практически каждое употребление прилагательного СТРАННЫЙ сопровождается отрицательными коннотациями. Именно поэтому создаётся впечатление, что «действующие лица романа живут в нетолерантном мире, каждый из представителей которого не может терпимо относиться к тому, что не совпадает с его личными взглядами или принятой в его среде точкой зрения» [14, с. 164].

Достаточно частым слово СТРАННЫЙ оказывается и в текстах И.С. Тургенева. Особое внимание обращает на себя сочетаемость данного прилагательного и его «семантических соседей» с существительным СОН. По мнению В.Н. Топорова, сны, описанные в произведениях Тургенева, – источник знакомства с тёмным, «странным» Тургеневым, с «уяснением тайного, которое он глубоко чувствовал» [11, с. 180]. Ссылаясь на высказывания А. Ремизова, Топоров отмечает, что тёмная душа Тургенева выразилась особенно в его снах, которые траурной каймой проходят на его картинах жизни [11, с. 138].

Чаще в текстах Тургенева в качестве определения к существительному СОН выступают прилагательные ЧУДНЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ, НЕОБЫЧНЫЙ: *Раз мне такой чудный сон приснился!* (героиня рассказа «Живые мощи» Лукерья

говорит о непонятном и необычном сне как о чём-то естественном и органичном, что подчёркивает гармоничные отношения героини с окружающим её миром); *Будто я этак сижу у себя в Покровском под окном – гляжу – а на дворе все утки ходят, и у каждой на затылке хохол. Филипп-кучер телегу подмазывает – а Федюшка мне трубки не несёт. Удивительный, приятный сон! (Вздыхает) Эх-эх! Когда-то Господь Бог приведёт увидеть всё это опять...* (герой сцены «Вечер в Сорренте» Аваков с наслаждением вспоминает необычный, но приятный сон о родной земле, используя при этом прилагательное УДИВИТЕЛЬНЫЙ).

Если же тургеневским героям снится нечто отталкивающее, вызывающее негативные эмоции, существительное СОН последовательно сочетается с прилагательным СТРАННЫЙ, иногда в сочетании с другими оценочными прилагательными, обладающими отрицательными коннотациями: *Странный и страшный сон мне приснился в эту самую ночь. Мне чудилось, что я вхожу в низкую тёмную комнату. Отец стоит с хлыстом в руке и топает ногами; в углу прижалась Зинаида, и не на руке, а на лбу у ней красная черта... («Первая любовь»); Странный ей привиделся сон... она плывёт в лодке по Царицынскому пруду с какими-то незнакомыми людьми. Они молчат и сидят неподвижно, никто не гребёт... Елене не страшно, но скучно... (тревожный сон Елены из романа «Накануне», обернувшийся в настоящий кошмар, является предвестником смерти Инсарова).*

В эпизоде из рассказа Тургенева «Разговор на большой дороге» Аркадий Артемьевич Михрюткин взвол-

нованно рассказывает кучеру Ефрему свой сон – неприятный, непонятный, одним словом, «странный». В итоге завязывается разговор о снах, и Ефрем делится своим сновидением: Михрюткин: *Меня это беспокоит.* – Ефрем: *Помилуйте, Аркадий Артемьич, зачем вы изволите беспокоиться? С кем этого не бывает? Вот я на днях имел сон, вот уж точно удивительный сон, просто непонятный; вижу я...*

Далее Ефрем рассказывает таинственный сон о превращениях гнавшегося за ним телёнка сначала в его жену, которая «злоственно» смотрела на него, а затем в русалку, которая собиралась его съесть. Несмотря на то что конец сна явно фантастический и производит на читателя неприятное и страшное впечатление, Ефрем рассказывает о сне довольно спокойно, употребляя в своей речи оценочное прилагательное УДИВИТЕЛЬНЫЙ: *Тут уж я просто не выдержал, закричал, благим матом закричал... Так вот какие бывают удивительные сны!*

Стоит обратить внимание на то, что для напряжённого, испуганного Михрюткина этот сон кажется предвестником несчастья, чем-то неприятным, поэтому он употребляет другое оценочное прилагательное – СТРАННЫЙ: Михрюткин: *Да; странный сон. Что ж, ты жене рассказал его?*

Составление ПП с прилагательным СТРАННЫЙ в центре на базе художественных текстов и сочетаемостный анализ данной лексической единицы на основе составленных ПП показывает, что семантический объём прилагательного СТРАННЫЙ шире того содержания, которое стоит за другими членами возглавляемой им аксиологической парадигмы, что обуславливает

невозможность свободной взаимозамены членов парадигматического множества: СТРАННЫЙ – это не только ‘непривычный, не такой, как всегда’ или же ‘непонятный’, но ещё и ‘непринимаемый’.

Рассмотрим функционирование прилагательного СТРАННЫЙ в языке повседневности. В качестве исследуемого материала выбирались как отрывки бытовых диалогов и контексты из блогов, так и данные Национального корпуса русского языка. Анализ составленных ПП показывает, что оценочные суждения, организованные прилагательным СТРАННЫЙ, направлены в основном на оценку ситуации в целом. Более того, в рассматриваемых оценочных суждениях прослеживается отношение субъекта оценки не только к непосредственному объекту оценки, т. е. параметру, на который направлена оценка, но и к адресату оценочного суждения. Причём употребление прилагательного СТРАННЫЙ в большинстве случаев сопровождается отрицательными коннотациями. Рассмотрим следующие контексты: *Странный он... чудненький... что ты на него ругаешься, как смог, так и нарисовал...* (из разговоров: субъект оценочного суждения употребляет прилагательное СТРАННЫЙ по отношению к человеку, которого явно недолюбливает и считает глупым, однако стремится смягчить категоричность оценки. СТРАННЫЙ в данном употреблении звучит почти как приговор – ненормальный, глупый и т. п.); *Да он странный какой-то! Ему только с одиннадцатого раза сдать можно!* (из разговоров о требовательном преподавателе).

Заметим, что в приведённых выше контекстах прилагательное СТРАН-

НБЫЙ играет роль своеобразного эвфемизма, помогающего выразить негативные чувства говорящего в тех случаях, когда резкая прямая оценка происходящего невозможна в силу объективных обстоятельств или же не соответствует уровню воспитанности субъекта речи. По мнению Л.О. Чернейко, в данной ситуации субъект речи стремится избежать негативных последствий своего речевого поведения: он редуцирует ответственность за категоричность оценки, облекая её в вежливую форму, но берёт ответственность за основание, мотив оценки [13, с. 253]. Это ярко видно в следующем разговоре: *Да ну его, идиот какой-то. – Да нет, интересный... своеобразный... странный* (со смехом).

Показательно, что оценочные суждения данного типа часто произносятся с особой ироничной интонацией, за которой скрывается как негативное отношение к адресату оценочного суждения, так и стремление к предельно корректной форме выражения мыслей.

Следует обратить внимание на то, что прилагательное СТРАННЫЙ часто сочетается в разговорной речи с неопределёнными местоимениями: КАКОЙ-ТО, КАК-ТО и т. д.: *Герой песни Элла и Ники бежит от жизни и от любимого человека в страхе, что уж очень её «обожает». Какая-то странная любовь, что уж тут поделать...* (из блогов).

Согласно данным «Русской грамматики» [10], неопределённые местоимения на *-то* выражают референтность (т. е. соотносённость с конкретным явлением окружающей действительности) и в то же время неизвестность говорящему. Однако последний параметр нуждается в существенном

уточнении. Многие исследователи связывают природу неопределённых местоимений с аномалиями и девиациями в механизмах жизни и языка. Так, по мнению Н.Д. Арутюновой, «неопределённые местоимения – это знаки невыраженных или невыразимых смысловых компонентов, ... маркёры разрыва между интуитивным постижением мира и возможностями вербализации, наконец, знаки непрозрачности некоторых сфер бытия, в частности человеческой личности («другого»)» [1, с. 187]. Это ещё раз подтверждает то, что прилагательное СТРАННЫЙ в сочетании с неопределённым местоимением указывает на трудности в словесном выражении того или иного признака, а также является маркёром неких «невыразимых смысловых компонентов» – чего-то смутного, неясного, иррационального. Если учесть, что при постижении мира мы стремимся упорядочить наши знания, хотим определить причинно-следственные связи тех или иных явлений, то столкновение с чем-то иррациональным и непонятым вызывает наше неприятие. Именно поэтому сочетание с неопределёнными местоимениями лишь усиливает отрицательные смыслы, связанные с прилагательным СТРАННЫЙ.

Таким образом, метод изучения оценочных суждений Дж. Мура и разработанная на его основе частная методика составления ПП художественного текста предлагают особый подход к анализу семантики оценочных предикатов, позволяющий понять, чем тот или иной предикат отличается от семантически смежных с ним единиц. Так, сочетаемостный анализ слова СТРАННЫЙ, проведённый на основе

текстов разных жанров, показывает, что исследуемое прилагательное значительно шире по содержанию, чем его «семантические соседи». Странный – это не только не такой, как все, непонятный, но ещё и неприемлемый. Именно поэтому употребление слова СТРАННЫЙ часто сопровождается отрицательными коннотациями. К тому же, употребление оценочных высказываний, организованных прилагательным СТРАННЫЙ, в речи свидетельствует об ответственности субъекта оценки за вынесенные им суждения, а также о стремлении к корректному выражению своего мнения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Неопределённость признака в русском дискурсе // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 182 – 189.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 416 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
5. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
6. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения в шести томах. Т. 5. М.: Мысль, 1966. С. 161 – 529.
7. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 15.04.2015)
8. Мур Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984. 326 с.
9. Перов Ю.В., Перов В.Ю. Философия ценностей и ценностная этика // Н. Гартман. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 5 – 82.
10. Русская грамматика. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.narod.ru/> (дата обращения: 05.05.2015)
11. Топоров В.Н. Странный Тургенев. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 192 с.
12. Чернейко Л.О. Перцептивные парадигмы художественного текста // Пушкинские чтения 2002. Материалы конференции. М.: ГИРЯП, 2003. С. 15 – 28.
13. Чернейко Л.О. Культура речи в свете этики ответственности // Труды института Русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 2. М.: Изд-во ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2014. С. 245 – 260.
14. Шилова Е.В. Прилагательное СТРАННЫЙ в структуре текста романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2014. № 4. С. 155 – 165.